

СМЕРТЬ МАРИИ СТЮАРТЪ.

Аббата Ж. А. ПТИ.

Ни одна женщина при жизни своей и по смерти не возбуждала такой неумолимой ненависти и столь сильной привязанности, какъ Марія Стюартъ.

Болѣе трехъ вѣковъ оставался нерѣшеннымъ вопросъ объ ея ужасной виновности или трогательной невинности. Ее упрекали въ томъ, что она скомпрометировала себя съ итальянцемъ Риссио, въ повелѣніи умертвить своего мужа, чтобы выйти замужъ за убійцу, наконецъ, въ желаніи завладѣть англійскимъ трономъ, подготавливая убійство Елизаветы. И эти серьезныя обвиненія пережили вѣка. И теперь еще память о Маріи Стюартъ является въ глазахъ многихъ лицъ обремененной этими ужасными преступленіями, и только заинтересованные ея красотой приводятъ въ защиту ея смягчающія вину обстоятельства.

Но въ послѣдніе годы, въ ученомъ мірѣ произошло измѣненіе въ мнѣніяхъ въ ея пользу. Не изданные документы доказали, что эта подозрительная интимность Маріи Стюартъ съ своимъ секретаремъ была выдуманна шотландскими лордами, чтобы убить иностранца, относившагося къ нимъ съ подозрительной недоверчивостью. Другіе документы свидѣтельствуютъ, что Дарнлей былъ убитъ тѣми же дворянами по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому, что сумасбродная гордость молодого короля оскорбляла всѣхъ, а во-вторыхъ потому, что дворяне желали имѣть прямое участіе въ управленіи народомъ. Всѣ доказательства, приводимыя противъ Маріи Стюартъ, уничтожаются удостовѣреніями, извлеченными изъ Бритишъ музеума, Рекордъ-Офисъа и депо Симанкъ. Все опровергнуто: ни одно показаніе не удержалось. Дипломатическія бумаги обнаруживаютъ окончательно ложность этого набора клеветъ, съ такимъ усиліемъ возведеннаго Мореемъ и его партизанами. Нашли даже нѣсколько подложныхъ писемъ съ подписью Маріи

Стюартъ, которыми авторы пренебрегли воспользоваться въ послѣднюю минуту. И въ тѣхъ, которыя были пущены въ дѣло, встрѣчаются колоссальные промахи.

Въ планѣ Морей, побочнаго брата Маріи Стюартъ, входило ниспроверженіе сестры, чтобы самому завладѣть властью. Онъ прежде всего подготовилъ убійство Дарнлея, а потомъ предалъ сестру Ботвелю, убійцѣ.

Не смотря на то, что она считала его невиннымъ въ убійствѣ и дворничество юридически признало его таковымъ, Марія Стюартъ отказалась выйти замужъ за этого важнаго вельможу; тѣмъ болѣе, что онъ былъ женатъ на Жаннѣ Кордонъ. Но дворяне собрались въ тавернѣ нѣкоего Осли и уполномочили Ботвеля жениться на ихъ королевѣ. Онъ развелся съ женой, и такъ какъ Марія Стюартъ сопротивлялась, то онъ рѣшился похитить ее въ открытомъ полѣ и обвинять ее въ насильно.

Едва только этотъ бракъ былъ заключенъ, какъ друзья Морей обвинили Ботвеля въ убійствѣ Дарнлея въ сообществѣ съ королевой. По наружности, факты какъ бы оправдывались. Народъ, обманутый глухими кознями, возсталъ. Ботвель убѣжалъ, а Марія Стюартъ попала въ Лопвеленскую тюрьму. Она выходитъ оттуда и судьба бросаетъ ее въ руки Елизаветы, ея перваго врага.

Но еще при жизни ея невинность начала всплывать наружу. Вестминстерскія конференціи, гдѣ надѣялись услышать обвиненіе несчастной королевы, закончились приговоромъ: „не имѣется причинъ къ обвиненію“. Нѣкоторые изъ ея враговъ раскались по смерти Морей и вступились за нее, но увы, слишкомъ поздно, чтобы она могла восторжествовать, и имъ оставалось только умереть, защищая ее. Самъ Ботвель, умирая въ отчаяніи, заявилъ громко о ея невинности. Справедливость требовала, чтобы королева была выпущена на свободу; но ненависть взяла верхъ, и оправданная Марія Стюартъ была оставлена въ тюрьмѣ помимо всякой справедливости. И если бы еще этотъ плѣнъ да-

валъ покой несчастной жертвѣ столькихъ заговоровъ, то можно было бы подумать, что государственныя причины заставляли англійское правительство держать въ заключеніи самую опасную соперницу королевы Елизаветы. Но даже и этого не было: одна ненависть руководила дѣйствіями все это время. Уморить Марію Стюартъ, опозорить, доканать ее въ тишинѣ, если возможно, сдѣлалось предметомъ непрестанныхъ заботъ Елизаветы. Ее мучили всякими манерами, позорили нарочно; ея жизнь и честь находились во власти тюремщиковъ; ее перевозили изъ тюрьмы въ тюрьму, отбирали у нея насильно ея движимое имущество, деньги, драгоценности, частную переписку, сокращали штатъ ея слугъ, дѣлали все, чтобы погубить ее втайнѣ; наконецъ, утомленные ея долгимъ сопротивленіемъ, рѣшились казнить ее подъ предлогомъ удовлетворенія справедливости. Безполезная жестокость! Шотландская королева и такъ ужъ чуть дышала, у нея отнялась нога и ея слабое тѣло держалось съ трудомъ. И вотъ противъ этой то, ослабленной долгими физическими и моральными страданіями, женщины встаютъ самые могущественные министры той эпохи съ жестокосердной злобой. Соскучившись видѣть, что она все еще живетъ, не смотря на свою слабость, статсъ-секретарь Вользингамъ выдумалъ заговоръ и впуталъ ее съ него. Думали уличить ее въ преступленіи ея собственноручными письмами, признаніемъ заговорщиковъ, показаніями ея секретарей, и чтобы вѣрнѣе погубить ее, ей было отказано даже въ заступничествѣ адвоката. Марія отрицала энергично свое участіе въ заговорѣ противъ жизни Елизаветы. Она требовала, чтобы ей показали ея собственноручныя письма, поставили бы ее на очную ставку съ обвинителями и ея секретарями. Ей ничего не показали, не поставили ни съ кѣмъ на очную ставку и обвинили безъ малѣйшей справедливости.

Розыски въ британскихъ архивахъ доказали, что и въ этомъ дѣлѣ Марія по истинѣ была не виновата. Оригина-

льные документы свидѣтельствуютъ, что заговоръ былъ выдуманъ агентами Елизаветы. Найдены были письма, написанныя ихъ рукою. Одними воспользовались для процесса, а другіе оставлены были въ небреженіи или подвергались измѣненіямъ, такъ что теперь можно возстановить всѣ фазисы этого темнаго дѣла. Какой злобой дышатъ они, когда, по ихъ понятіямъ, имъ удалось, наконецъ, найти средство доканать ее: „Мы скоро затронемъ ее за самую чувствительную струну!“ восклицаетъ съ радостнымъ ревомъ одинъ изъ поддѣльщиковъ документовъ. Они сочинили нѣсколько фальшивыхъ писемъ, и ее осудили! 7-го февраля (старый стиль) 1587 года, около двухъ часовъ пополудни объявленъ былъ Маріи Стюартъ смертный приговоръ въ замкѣ Фотерингей. Она лежала еще въ постели, страдая отъ своей хронической болѣзни, когда графъ де Кентъ, графъ де Шревсбюри и шерифъ графства Нортampton потребовали переговорить съ ней безотлагательно. Она встала, чтобы ихъ выслушать. Графъ де Шревсбюри объявилъ ей, что приговоръ, постановленный по ея дѣлу долженъ быть выполненъ; потомъ ей прочли этотъ приговоръ, обрекавшій ее на смертную казнь, какъ „ради евангелія и истинной религіи креста, такъ и ради мира и спокойствія государства“. Въ приговорѣ не упоминалось, въ противнствіи обычной юридической формѣ, о томъ, что Марія Стюартъ была изобличена на судѣ въ посягательствѣ на жизнь Елизаветы. Марія слѣдила чтеніе съ большимъ вниманіемъ и когда оно окончилось, она перекрестилась.

— Благодарю Бога за радостную новость, которую вы мнѣ принесли; лучшей я не могла получить, потому что я покину, наконецъ, этотъ міръ, гдѣ я такъ много выстрадала, и умру за религію католическую, апостольскую и римскую.

Затѣмъ, положивъ руку на Евангеліе, лежавшее на ея столѣ, она отрицала свое участіе въ какомъ бы то ни было заговорѣ на жизнь Елизаветы.

— Ваша папская книга ложна, воскликнулъ графъ де-Кентъ, и клятва такъ же ложна, какъ эта книга.

— Это книга моей вѣры, возразила королева, и книга эта благая. Не думаете-ли вы, что клятва моя была-бы истиннѣе, если-бы я поклялась, положивъ руку на вашу еретическую книгу, въ которую не вѣрю?

Она попросила комиссаровъ позволить ей поговорить со своимъ исповѣдникомъ, котораго не видѣла уже цѣлый мѣсяцъ. Графъ де-Кентъ отказалъ и предложилъ ей поговорить съ протестантскимъ деканомъ Петербургскимъ, чтобы она могла просвѣтиться и отречься передъ смертью „отъ своихъ католическихъ заблужденій, мерзостей и дѣтскихъ глупостей“. Марія отвѣтила, что она уже слышала самыхъ знаменитыхъ ихъ пасторовъ, и они не только не обратили ее въ свою религію, но рѣшились еще болѣе укрѣпить ее въ ея вѣрѣ.

— Богъ даровалъ мнѣ остаться твердой въ моей религіи и теперь нѣтъ времени для сомнѣній, нѣтъ времени для колебаній и обращеній въ другую вѣру. Напротивъ, если-бы мнѣ когда-нибудь и предстояло это несчастье, то именно теперь наступила минута выказать себя болѣе постоянной и болѣе преданной. Не то, что колебаться, но за вѣру я пожертвовала-бы жизнью, пролила-бы мою кровь до послѣдней капли, перенесла-бы самыя ужасныя пытки, самыя утонченныя жестокости. О! какъ я была-бы счастлива пострадать такимъ образомъ за Бога и за религію! Нѣтъ, нѣтъ, милорды, не говорите мнѣ объ отреченіи, дайте мнѣ моего исповѣдника, чтобы приготовить меня къ смерти, исполните мою послѣднюю просьбу.

Графъ де-Кентъ отказалъ.

— Ваша жизнь, сказалъ онъ съ досадой, была-бы смертью для нашей религіи, а ваша смерть будетъ ея спасеніемъ.

Но тронутый великодушіемъ плѣнницы, онъ прибавилъ, что завелъ этотъ разговоръ только ради ея спасенія.

— Когда назначена казнь? спросила королева.

— Завтра между семью и восемью часами, отвѣтилъ графъ Шревсбюри. Марія заговорила о своемъ сынѣ, о короляхъ, о своихъ родственникахъ и своихъ слугахъ и спрашивала, позволено-ли будетъ каждому изъ нихъ вернуться на родину съ тѣмъ малымъ вознагражденіемъ, которое она желала-бы имъ оставить.

Графы отвѣтили, что не имѣя специальныхъ инструкцій для этого, они ничего не могутъ ей обѣщать, но что они постараются исполнить въ точности ея послѣднюю волю.

Когда лорды удалились, Марія Стюартъ сказала одной изъ своихъ фрейлинъ, Аннѣ Кенеди:

— Ну, вотъ, не говорила-ли я вамъ? Я знала хорошо, что они не оставятъ меня въ живыхъ; я служу слишкомъ большимъ препятствіемъ для распространенія ихъ религіи.

Она сейчасъ-же отдала приказанія на послѣдній день своей жизни. Ужинъ былъ назначенъ раньше, чтобы имѣть больше времени для молитвы и предсмертныхъ распоряженій. Такъ какъ ея слуги заливались слезами, то она сказала имъ:

— Дѣти мои, теперь нѣкогда плакать, это вамъ ни въ чемъ не послужитъ. Вы скорѣе должны-бы были радоваться, что я ухожу отсюда, гдѣ перенесла такъ много страданій и горя; я ни на что не годна въ этомъ мірѣ, я бесполезна для всѣхъ, вы должны-бы были утѣшаться со мной въ томъ, что Богъ даруетъ мнѣ милость умереть за такое хорошее дѣло; я благодарю Его и прославляю отъ чистаго сердца за то, что Ему угодно было призвать меня въ этотъ часъ и дать мнѣ возможность пострадать за Его святое имя, за истинную религію и Его церковь; для меня не могло быть въ этомъ мірѣ ничего лучшаго.

Тогда всѣ мужчины вышли изъ ея комнаты съ рыданіемъ, Марія осталась съ своими фрейлинами, молилась съ ними и затѣмъ раздѣлила свои деньги между слугами. Наступилъ вечеръ; сѣли за ужинъ. Марія ѣла мало по

обыкновенію и говорила о своей смерти „какъ о какомъ то постороннемъ дѣлѣ; она прибавила даже съ улыбкой, что ей нуженъ былъ-бы другой наставникъ, не такой, какъ графъ де-Кентъ, для обращенія ея въ новую вѣру. Бѣдныя фрейлины ничего не бѣли, слова ихъ госпожи только увеличивали ихъ сердечную боль. Они не могли свыкнуться съ мыслью, что этотъ ужинъ былъ послѣдній въ ея жизни и что наступающая зоря освѣтитъ великое горе. Докторъ королевы, Бургунингъ, заливался слезами; кругомъ раздавались заглушаемыя рыданія.

Въ концѣ ужина, Марія велѣла позвать прочихъ слугъ и, наливъ сама въ кубокъ, выпила за ихъ здоровье, приглашая и ихъ выпить за свое спасеніе. Они со слезами опустили на колѣни и подносили къ губамъ кубки, гдѣ ихъ слезы смѣшивались съ виномъ. Марія просталась съ ними, наставляя ихъ быть вѣрными своей религіи и любить другъ друга. Затѣмъ она раздѣлила между ними свое бѣлье и серебро и при этомъ ни на лицѣ, ни въ рѣчи, ни въ ея обращеніи не проглядывало ни малѣйшей печали.

Оставшись одна со своими фрейлинами, она написала своему исповѣднику и французскому королю, подписала свое духовное завѣщаніе и положила перо. Было уже два часа утра. Она велѣла себѣ вымыть ноги, потомъ прочитала нѣсколько страницъ изъ житія святыхъ. Заботы и бодрствованіе утомили ее и она легла въ постель. Дѣвушки продолжали молиться. Во время этого бодрствованія до нихъ доносились изъ нижней залы замка удары молотковъ рабочихъ, воздвигавшихъ эстраду, на которой должна была умереть ихъ дорогая королева, и эти зловѣщіе приготовленія пронзали ихъ сердце, причиняя неодолимый ужасъ. Марія Стюартъ задремала сначала, но шумъ разбудилъ ее, и хотя глаза ея оставались закрытыми, видно было по движенію губъ, что она продолжала молиться. Лицо ея казалось сіяющимъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).